

ЖИВОЕ НАСЛЕДИЕ

К 50-летию со дня смерти
И. Карпенко-Карого

Если бы Иван Карпович Тобилевич (Карпенко-Карый) написал только «Хозяина» или «Савву Чалого», то и тогда он навсегда вошел бы в историю мировой драматургии, как первоклассный художник, сумевший ярко запечатлеть существенные черты современной ему действительности, глубоко проникнуть в героическое прошлое своего народа. Но этими произведениями, как известно, не исчерпывается творчество выдающегося мастера слова, чье имя стоит в первом ряду драматических писателей дореволюционной Украины. Перу И. К. Тобилевича принадлежат многие другие пьесы, и поныне украшающие сцену советского театра, представляющие значительную ценность своей проблематикой и высокой художественностью.

Бессмертие художника определяется жизненностью его творений, тем, насколько они признаны и используются потомками, входят в обиход духовной жизни народа. С этой точки зрения творчество Тобилевича воистину бессмертно. Оно не только находится в активе советского театра, но и служит живым, неиссякаемым источником, из которого много полезного черпают для себя современные авторы.

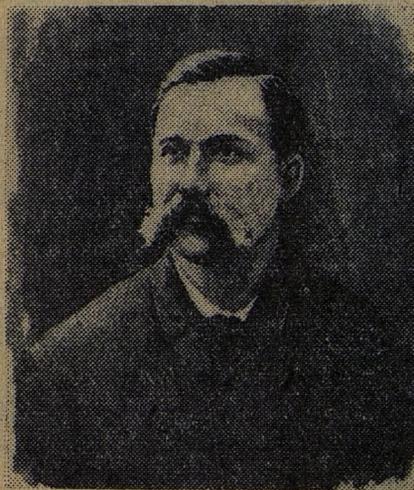
Пожалуй, нет в республике театра, который не обращался бы к драматургии Тобилевича, и прежде всего к таким его пьесам, как «Батрачка», «Суета», «Сто тысяч», «Мартын Боруля», «Бурлака», «Савва Чалый», «Чумаки» и другие. А для отдельных украинских театров, в том числе и академических, пьесы Тобилевича стали как бы этапами в их творческой биографии. В этом отношении примечательна деятельность Киевского театра имени Ив. Франко. Здесь пьесы драматурга находили не только радужный прием, а и глубочайшее раскрытие, яркое воплощение. Самые радостные творческие удачи франковцев при постановке классики связаны с именем Тобилевича. Именно в пьесах Тобилевича наиболее наглядно раскрылся незаурядный актерский и режиссерский талант Г. Юры.

Тобилевич сыграл исключительную роль в становлении и развитии украинского национального театра не только как драматург, но и как режиссер и актер. Его актерская деятельность оставила заметный след, она была образцом углубленного сценического реализма. Так единодушно отзывались об игре Тобилевича очевидцы, в том числе и ныне здравствующие мастера театра — тот же Г. Юра, И. Марьяненко, все те, кому посчастливилось видеть строгую, продуманную игру Ивана Карповича.

Драматургия И. К. Тобилевича стала благодатной почвой, на которой расцвели таланты украинского советского театра. Не в одной пьесе писателя принимал участие и несравненный Амвросий Бучма. Но то, что создал Бучма в «Хозяине», — исключительно по своей мудрости и проникновенности. Образ жадного, одержимого стяжателя Пузыря раскрыт во всей его социальной правдивости и психологической глубине. Великий актер показывал в Пузыре всю сложность неповторимой человеческой натуры — и то, как Пузырь иступленно гонится за наживой, богатством, деньгами, и то, как он по-детски радуется, когда его называют «овечьим генералом», и то, как гордится он полученным орденом, как обожает дочь, любитесь родной природой. Портрет стяжателя вышел полнокровным, многогранным, убедительным. Ни одна, даже самая незначительная, черта не была забыта, и в то же время явственно ощущалось ведущее начало образа, то, что составляло существо, душу героя — его болезненная страсть к наживе.

Знаменательной вехой в истории Харьковского театра имени Т. Г. Шевченко явилась постановка «Мартына Борули» с М. М. Крушельницким в заглавной роли. Совершенно по-новому сыграл здесь Омель-

ка П. Марьяненко. Исполнитель отошел от традиционного рисунка. Это не был смешной, придурковатый хозяйский прихвостень, каким зачастую изображали Омелька. Нет. На сцене жил и действовал человек, который под маской простака глумил-

ся и издевался над своим одержимым магией величия хозяином.

Сейчас миллионы зрителей всего Советского Союза увидели «Мартына Борулю» на экране. В фильме принимают участие видные актеры украинского театра, в том числе Г. Юра (Мартын Боруля) и М. Крушельницкий (Омелько).

Большим успехом увенчалась и постановка «Саввы Чалого» на сцене Винницкого театра. Коллективу удалось раскрыть идейный пафос и художественное своеобразие пьесы, в которой в смертельном поединке сошлись две противоборствующие силы — угнетенный народ в образе Гната Гоголо и его героических поборников и отступник народа — Савва Чалый, переметнувшийся в стан угнетателей. Историческая обстановка не позволила восставшим гайдамакам одержать окончательную победу над ненавистными поработителями — феодалами, двенадцатый час которых к тому времени еще не пробило! Но пьеса всем своим духом вещала о грядущей свободе, о праве трудового народа быть хозяином жизни. В этом заключается социальный оптимизм трагедии — воистину народного произведения по своему содержанию, поэтическому строю, образной системе.

О жизненности драматургии И. Тобилевича говорит также самое свежее свидетельство — недавняя постановка его пьесы «Чумаки» на сцене Кировоградского театра имени М. Кропивницкого. Кировоградцы как бы заново воскресили и самую пьесу, и ее образы, особенно образ чумака Виталия.

А образ Панаса из пьесы «Бурлака»! Разве он не выглядит гневным протестом против капиталистической действительности, разве он не говорит о том, что в угнетенном трудовом народе зреют силы, способные опрокинуть несправедливый уклад жизни, бороться за счастье миллионов обездоленных людей?

Что же делает драматургию Тобилевича такой жизненной, действенной, заманчивой для актеров и увлекательной для зрителей, далеких от того, чем жили герои, допустим, «Хозяина» и «Мартына Борули», «Суеты» и «Житейского моря»?

Классики украинской драматургии запечатлели немало правдивых картин народной жизни. По условиям того времени, из-за драконовских ограничений царской цензуры драматургии могли касаться лишь деревенской действительности, не имели

возможности отображать жизнь интеллигенции, а тем более — пролетариата. Оттого-то в дореволюционной украинской драматургии и преобладает крестьянская тема, хотя писатели и переступали иногда порог дозволенного. Действие многих пьес И. Тобилевича также происходит на селе, в среде и зажиточных, и бедных крестьян.

О классовом размежевании среди крестьянства, о губительной власти денег говорилось и до Тобилевича. Но ему удалось создать наиболее масштабные и выразительные образы сельских богачей, идущих на любую жестокость, на любую низость, лишь бы приумножить свои капиталы, нажиться на чужом несчастье, на чужих слезах, на чужом поту. Крупным планом нарисованные портреты Покуля («Батрачка»), Герасима Калитки («Сто тысяч»), старшины Михайла («Бурлака») и особенно Пузыря («Хозяин») свидетельствуют не только о выдающемся художественном таланте писателя, сумевшего создать правдивые, характерные человеческие типы, но и об умении драматурга проникнуть в существо совершающихся на его глазах общественных процессов. Правда, Тобилевич в силу исторической ограниченности не всегда ясно видел правильные пути социальных преобразований, допускал известную условность в освещении исторического прошлого. Но, обличая и клеймя Пузырей больших и малых рангов, он доходчивым словом художника просветлял и укреплял революционное самосознание масс.

Исключительный мастер изображения человеческих характеров, Тобилевич обогатил украинский национальный театр яркими типами. Даже эпизодический персонаж, какой-нибудь чудаковатый Пеньонжка («Мартын Боруля»), и тот оставлял неизгладимое впечатление — настолько точным и ярким было письмо драматурга. Недаром герои Тобилевича дали возможность корифеям старого украинского театра раскрыть свои недюжинные таланты. Мария Заньковецкая выросла как актриса в пьесах Тобилевича, создавая в них сценические образы потрясающей силы. Ее Харитина («Батрачка») была олицетворением обездоленной украинки. Упомянутый Пеньонжка в исполнении П. Саксаганского был уморителен в своей комичности. Блестал в пьесах Тобилевича и М. Садковский, не говоря уже о самом драматурге, глубоко изображавшем на сцене образы собственного творчества.

Лучшие пьесы Тобилевича — это не только памятники эпохи, а произведения, обладающие большой познавательной и поучительной силой.

Выдающееся значение И. К. Тобилевича в истории украинской драматургии определяется еще и тем, что писатель оставил высокие образцы во всех жанрах этого трудного и сложного рода литературы, был творцом драмы, комедии, трагедии, боролся за общедоступный народный театр не только пером художника, но и как публицист, общественный деятель.

Понятно, что прогрессивная деятельность Тобилевича не могла прийтись по вкусу охранителям самодержавия и собственности уклада, и царские сатрапы поспешили выслать драматурга в Новочеркасск, как неблагонадежного.

Тобилевич последние годы жизни провел на хуторе «Надежда» вблизи нынешнего Кировограда. Название хутора воспринималось им как символ Иван Карпович жил и творил с надеждой на светлое будущее, приближая его своим благородным трудом. Он мечтал о лучших днях для народа, для родного театра, которому отдал все свои творческие силы. И эта надежда осуществилась. Украинский народ, верным сыном которого был выдающийся художник слова, живет ныне свободной счастливой жизнью, успешно строит и развивает свою национальную культуру, свой театр, на сцене которого волнующе звучит и нетленное талантливое слово Ивана Карповича Тобилевича.

Иосиф КИСЕЛЕВ.